

Глава 11. Дырявые сети советского шпионажа

Все не так плохо: нас не продавали — нас выдали даром.

Карел Чапек

ЦК цыкает, а ЧК чикает

В декабре 1917 года Ленин поручил Ф. Дзержинскому создать Всероссийскую комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) была создана указом Ленина 20 декабря 1917, всего полтора месяца спустя после захвата власти большевиками. ВЧК была задумана и фактически стала орудием беспощадного массового государственного террора — страшным орудием режима, как и ГПУ, НКВД, МВД и КГБ, в которые она переименовывалась впоследствии. Руководящий ее принцип сформулировал Троцкий: *«Мелкобуржуазная масса ищет силу, которой она должна подчиняться... Вся эта мещанская сволочь... когда узнает, что наша власть сильна, она будет с нами»*. С помощью ЧК все оппозиционные газеты в Петрограде были закрыты, их типографии разгромлены; не успевшие убежать буржуи и оппозиционеры посажены в тюрьмы или расстреляны; саботажники-чиновники водворены на свои рабочие места.

Одной из самых дорогостоящих и важных служб ЧК-ОГПУ-КГБ была иностранная разведка, в которой работали наиболее грамотные и активные люди, идейные коммунисты, совершавшие все возможное и невозможное для блага страны. Детективные сюжеты, увлекательные, но достоверные, освобожденные от пропагандистских вериг и грифов секретности, поражают удивительным сочетанием мужества, ума, гуманности разведчиков, и трусости, беспринципности, жестокости руководителей КГБ, воспитанных сталинской системой. Почти все они — и шпионы, и их начальники, включая самого Сталина, плохо кончили свою жизнь: кто от рук убийц, кто в тюрьме, кто в безвестном одиночестве, скрываясь от возмездия своих или чужих. Нельзя, однако, не заметить, что все они были выдающимися личностями, хоть их взгляды и были зашорены идеологическими догмами марксизма-ленинизма, но, попав в эту цепкую систему, они пытались выбраться на свободу, зажить простой обывательской жизнью, обрести семейные радости. Мемуары и воспоминания тех из них, кто имел возможность в конце жизни остановиться и оглянуться, не могут быть с уверенностью отнесены к определенному жанру: оправдательная речь или политический манифест, исторический роман или публицистика.

С точки зрения одних, они герои, с точки зрения других, — предатели. Вспомним, однако, как бесстрашно, жестоко и коварно их предавала система — КГБ, Сталин, Берия, да и все последующие начальники; как десятилетия спустя всплывали имена Рихарда Зорге, Игнатия Рейсса, Рамона Меркадера, Лео Треппера, десятков других.

Полностью или частично в КГБ работало две трети всех советских людей, выпущенных за границу. Не только дипломаты, но и журналисты, представители различных зарубежных организаций, специалисты, студенты, туристы, родственники, приехавшие повидать своих близких — все проходили вербовку

перед отъездом и часто соглашались сотрудничать с КГБ, опасаясь, что их либо не выпустят, либо разуверятся в их лояльности, что чревато последующими неприятностями для них самих или их близких.

Об этом свидетельствует один из последних перебежчиков А. Н. Шевченко: *«КГБ ведет подрывную работу во всех концах мира, засылая туда не только своих агентов, но и наемных убийц. Масштабы зарубежных операций КГБ превышают деятельность всех секретных служб западных стран вместе взятых. Число профессиональных работников КГБ превышает 100 000. Кроме того, КГБ имеет свою специально тренированную армию, численностью примерно 500 000 человек. Эта армия оснащена новейшим оружием, танками и артиллерией. Она несет охрану государственных границ СССР, а также Кремля и всех важных советских учреждений и военных объектов. Все пребывающие за границей советские люди были друг у друга «под колпаком». «Инстинкт самосохранения, — пишет Шевченко, — заставляет вас подозревать чуть ли не в каждом стукача, и постепенно это становится второй натурой... Я научился сосуществовать с КГБ, как всякий советский гражданин, научился более или менее спокойно реагировать на их угрозы и вмешательство в мою жизнь и работу».*

Добавим, что практически столь же насыщенная система с еще большей армией профессиональных «стражей порядка» и стукачей существовала и внутри страны. Они следили за всеми гражданами, но особенно тщательно — за теми, чьи близкие находились за рубежом.

Один из наиболее преступных капризов Сталина — систематический развал советской разведки за рубежом. Имея мощную разведывательную сеть, опиравшуюся, прежде всего, на идейных деятелей Коминтерна, коммунистического движения в разных странах, он ухитрялся систематически организовывать провалы, арест и уничтожение квалифицированных кадров шпионов. Охота на Агабекова — одна из первых таких акций, во время которых было арестовано большое количество резидентов и «охотников». В преддверии II Мировой войны, когда разведка была жизненно необходима стране, шпионам давались такие «личные» сталинские задания, как убийство Троцкого, стоившее провалов резидентуры в нескольких европейских странах, США и Мексике. Все разведки мира напряженно работали, готовясь к смертельной схватке стран и армий. Но в театре сталинского абсурда советская разведка выполняла главное задание вождя народа, не считаясь с затратами, потерями и здравым смыслом, — задание убить Троцкого.

Вообще политические убийства вопреки здравому смыслу и интересам страны были основным занятием советских шпионов. Сколько сил, денег, кадров разведчиков было потрачено на «Спецоперации» (название книги воспоминаний Павла Судоплатова): убийства главы украинских националистов Коновальца, руководителя «Российского Общевоинского союза» генерала Миллера, генерала Врангеля, перебежчиков Игнатия Рейсса и Кривицкого, а также охоту на многих тех, кто совершал эти убийства, и уничтожение уже их (Агабеков и др.). Уже после смерти Сталина эти традиции были продолжены: разработаны новые виды оружия — портативные бесшумные пистолеты, «клизмы» с цианистой кислотой, шприцы с ядом, встроенные в наконечники зонтиков, и т. п. В 1957 г. убит

украинский эмигрант-националист Лев Реберт, в 1959-м Степан Бандера. Список может быть продолжен.

Разгром иностранной разведывательной сети (ИНО НКВД-КГБ), гибель этой группы, насчитывавшей всего лишь около сотни человек, нанесла стране такой ощутимый ущерб, который сопоставим с миллионными жертвами. По условиям своей работы это были люди достаточно независимые, хорошо информированные и, что самое страшное для Сталина, слабо контролируемые. Кроме того, большинство из них были евреями. Несмотря на то, что их послужной список и верность доказаны эффективностью и длительностью работы в разведке, их по одному вызывали в Москву, арестовывали и чаще всего расстреливали. Частью этой преступной политики являлся арест и расстрел в 1937—1939 годах деятелей Коминтерна, а также выдача советской шпионской сети в Китае Мао Цзэдуну. Вначале убили находящихся в Москве руководителей: Абрама Слуцкого (1938, отравлен в кабинете Ежова), Моисея Горба (1937, расстрелян), Сергея Шпигельгласа (1939, расстрелян). В 1937—1938 годах арестовано свыше 50 руководителей зарубежных резидентур, основных резидентов и зарубежных шпионов-нелегалов, работавших в ИНО, военной разведке и в диверсионных отрядах. Разгром зарубежной разведывательной сети перед Великой Отечественной войной является одной из важнейших причин обвального поражения СССР в первые месяцы войны. Облавы и операции немецкой контрразведки не нанесли и десятой доли того ущерба, который причинил Сталин.

Панический страх любого должностного лица в стране перед именем Сталина, конечно, был хорошо известен немцам и использовался ими. Осенью 1941 года, перед решающим штурмом столицы немцами, в комендатуре Тушинского аэродрома появились два офицера. Один из них с криком: «Вы что тут — спите? Кто старший? Я личный представитель товарища Сталина капитан Гроза. Телефон мне, живо!», сообщил затем в телефонную трубку: «Товарищ Сталин! Докладываю. Прибыл, как Вы приказали, на Тушинский аэродром. Разобрался. Как Вы и предвидели, и комендант, и комиссар — шкурники и разгильдяи. Слушаюсь!». По приказу «представителя» команда скрутила свое начальство и отправилась арестовывать находящегося на аэродроме командующего истребительной авиацией ПВО Москвы генерала Николая Сбытова. Генерал успел связаться по «вертушке» с приемной Сталина, и, выяснив ситуацию, на аэродром срочно выехала группа контрразведчиков. «Капитана Грозу» отловили только на следующий день. Благодаря счастливому случаю не осуществился дерзкий немецкий план по приему на Тушинский аэродром нескольких самолетов с боевиками, которые должны были посеять панику в оборонявших Москву войсках, ворваться в Кремль и подготовить проход немецкой дивизии в Москву.

***

Многие выжившие в 1937—1941 годах и за время войны разведчики были репрессированы после войны, в частности, во время «окончательного решения еврейского вопроса» в органах госбезопасности в 1948—1952 годах. Уцелевших и в эти годы разведчиков подвергли репрессиям в связи с арестом Берия в 1953-м. И после смерти Сталина развал советской разведывательной сети продолжался. Итальянская, французская и греческая резидентуры провалены министром КГБ

Семичастным, давшим срочное задание агентам: следить за дочерью Сталина — Светланой Аллилуевой, сбежавшей на Запад из СССР в 1967 году.

Экономическая и техническая неэффективность, аморальная сущность аппарата КГБ сохранились после смерти Сталина на многие годы. В ход шли «медовые ловушки»: вербовка с использованием специально подосланных женщин; применяли подкуп и шантаж; некоторых же завлекали коммунистической идеологией. Для устранения неугодных специально разрабатывали яды. Бешеные деньги тратили на шпионов, тысячами наводнивших США и Европу.

Во время работы в СССР жизнь нас с женой столкнула с феноменом, приоткрывшим кухню финансирования советского шпионажа. Мне, как участнику различных комиссий при Госплане СССР, а жене, как начальнику патентно-лицензионного отдела, приходилось убеждаться, что добываемая шпионская информация в очень редких случаях (только если она получена от зарубежных специалистов) имеет значение для отечественной промышленности. Зачастую в качестве «шпионской» информации фигурировали реклама фирм с промышленных выставок, статьи, доклады на конгрессах, куда специалистов пускали неохотно, разбавляя административным начальством, химиками «в штатском». Затраты на шпионаж намного превышали ценность сворованных рекламных проспектов и научных сообщений.

Однажды у жены потребовали положительное заключение об экономической эффективности подобной информации. Она попала в некую сверхсекретную организацию на окраине Москвы, где «человек с ружьем» стоял чуть ли не у каждой двери. Директором конторы был хорошо известный нам по работе в Академии наук СССР Д. М., удачно женившийся на родственнице бывшего сотрудника Берия. На моих глазах он защищал диссертацию по секретной теме, и среди демонстрационных листов я с удивлением обнаружил пару выполненных другой нашей сотрудницей, не допущенной на защиту по причине секретности, — Д. М. не отличался ни способностями, ни научной добросовестностью. Просмотрев совершенно секретные материалы, жена не нашла ничего интересного для использования в своей отрасли: ни по новизне, ни по оригинальности. Кроме того, собственные разработки Институт внедрял так трудно, что внедрение зарубежных новшеств не имело смысла. Ее долго уговаривали подписать заключение о непомерных экономических эффектах, намного превосходивших реальную ценность проекта, а когда она отказалась, видимо, нашли другого специалиста.

Не думаю, что даже «гвоздевой успех» советского шпионажа — похищение атомных секретов США — имел большой смысл. Во всяком случае, физики отрицают это. В операции по передаче атомных секретов США в СССР участвовали Гриммельхейфиц, Семен Семенов (Самуил Таубман), Бруно Понтекорво, Морис и Леонтина Коэны, а также завербованные Юлиус и Этель Розенберги. Последние казнены в США как советские шпионы, все остальные попали в ГУЛАГ (кроме Понтекорво и Коэнов, арестованных в Англии и там же сидевших в тюрьме).

Погоня

Борис Георгиевич Бажанов, проработав 18 месяцев личным секретарем Сталина, а затем секретарем Политбюро, быстрее многих разобрался в повадках

Хозяина, перспективах строительства социализма под его руководством и ужаснулся. Ему еще не было и 30 лет, семьей он не был обременен, он решился бежать на Запад. Хорошо представляя себе расстановку сил ОГПУ, учитывая личную неприязнь Ягоды и зная об усиленной слежке за собой, Бажанов выбрал круговой маршрут через Туркмению — Персию — Индию, для чего и отправился поздней осенью 1927 года во время отпуска поохотиться в горы на границе с Персией. Имея большой опыт отлова беглецов и агентурную сеть именно в этих местах, Ягода дал ему в сопровождение своего агента по имени Аркадий Максимов (настоящая фамилия Биргер) с целью схватить сталинского секретаря с поличным при переходе границы.

В ночь под Новый 1928 год при подходе к советской пограничной заставе Бажанов наставил на провожатого охотничий карабин и, не повышая голоса, сказал:

— Послушай-ка, я знаю твое настоящее имя и инструкции ГПУ насчет меня. Здесь рядом — граница и перейти ее сегодня не составляет труда, поскольку пограничники пьянствуют со вчерашнего вечера. Если ты пойдешь со мной, я переправлю тебя в Европу, но если ты вернешься один без меня, тебя не помилуют.

Альтернатива была вполне очевидной, и Биргер согласился бежать. Застава беспробудно спала, и беглецы пересекли нейтральную полосу. В городишке Мухамадабад (Персия) они попросили политического убежища в полицейском участке, были отправлены в Мешхед — центр Хорасанской провинции, окруженный не проходимыми зимой горами. Бажанов знал, что годом раньше агенты ГПУ отловили здесь двух перебежчиков, сумели переправить их обратно на советскую сторону, где беглецов расстреляли. Чтобы не угодить в ловушку на круговом пути, Бажанов со своим спутником отправились на лошадях через горный перевал. Но в кишлаке за перевалом их уже ждали агенты ГПУ. Далее беглецы пережили новые приключения: встречи с вооруженными агентами в автобусе, обнаружение цианида в кофе, которым их угостили в гостинице, отсутствие внутреннего запора на двери номера. Но то ли счастливый случай, то ли грамотные действия полицейских и «Интеллидженс сервис», позволили беглецам отсидеться шесть недель в здании тюрьмы и полицейского участка. Полиция отказала советскому консулу Платте в выдаче «двух преступников, бежавших из СССР с крупной партией драгоценностей и денег». Бажанову удалось убедить губернатора Хорасана в своей лояльности к Персии, изложив ему выдержки из доклада наркома по иностранным делам Чичерина на Политбюро — о готовящемся в Тегеране государственном перевороте с последующей оккупацией Персии Красной Армией и присоединением Персии к СССР. Он назвал также имя агента СССР при шахском дворе в Тегеране — министра Теймурташа.

Беглецов переправили в город Дуздап, вблизи границы с Индией, где их взяла под охрану английская разведка. Не все английские службы благопритствовали Бажанову, но случайно нашелся один консул — Скрайн, который сумел убедить делийский секретариат министерства иностранных дел, что Бажанов представляет собой исключительно ценный источник информации. Хотя в Дуздапе уже появился Платте с целой группой агентов, нацеленных на устранение Бажанова, ему удалось бежать, уехав ночью на единственном в городе автомобиле по горной дороге через

ущелье, края которого слегка помяли бока машины. Экзотическое путешествие закончилось в апреле пятидневным (из-за жары — ночным) переходом с верблюжьим караваном, предоставленным вождем племени белуджей, и далее комфортабельным поездом до Симлы — летней резиденции вице-короля Индии.

Несколько месяцев англичане «снимали информацию» с бывшего сталинского секретаря, узнали много интересного, но, опасаясь, что Бажанов попросится к ним жить, спланировали его французам. Он занимался журналистской деятельностью, писал статьи по финансовым вопросам, консультировал французское и английское правительства, а также их разведывательные органы по политическим и бытовым вопросам жизни Кремля. Он обнаружил неожиданные для европейских стран факты, такие, например, как подготовка и провал путча в Германии 7 ноября 1923 года. Характер и поведение Сталина по отношению к сподвижникам Бажанов знал досконально. Например, он рассказал, как Сталин спрятал донос о пристрастии Калинина к актрисам в досье, которое он собирал на каждого ради последующего управления им.

Ему удалось благополучно избежать покушения от рук застреленного ОГПУ Блюмкина, а также сотоварища по побегу Максимова. Бажанов прожил в Париже до 80 лет, пережив Сталина почти на 30 лет.

Рожденный и расстрелянный революцией

Яков Блюмкин — одна из ярких фигур в русской революции. Родившийся в местечке Черниговской губернии в семье приказчика, он сбежал в Одессу. Во время первой мировой войны окончил Одесское техническое училище. Шестнадцатилетним парнишкой вступил в партию эсеров. Вскоре оказался в самом левом ее крыле, признающем террор, и сам стал бесстрашным террористом. В 1917-м член Симбирского совета крестьянских депутатов, затем рядовой в Одесском добровольческом железном отряде. В 1918 начал работать в ВЧК; заведовал отделением по борьбе с международным шпионажем.

Переговоры о Брестском мире, начавшиеся в феврале 1918-го, раскололи революционеров. Ленин и многие большевики считали Брестский мир спасительной передышкой при любых требованиях немецкого командования. Большинство эсеров оценивали подписание мира с немцами как позор и требовали продолжения войны. Эсеры решили крутануть колесо истории своими силами и сорвать подписание Брестского мира.

Шестого июля 1918-го, в два часа дня, в немецкое посольство в Москве приехали два чекиста с мандатом, подписанным Дзержинским, — Яков Блюмкин и Николай Андреев. Пожилой граф Вильгельм Мирбах, немецкий посол в России, вышел побеседовать с самозваными представителями российской власти. Беседа продолжалась недолго. Блюмкин выхватил из кармана револьвер и со словами: «Я вам сейчас покажу!» выстрелил в посла. Раненный граф побежал в соседнюю комнату, Андреев бросил ему вслед бомбу, но бомба не взорвалась; Блюмкин схватил ее и вновь швырнул на пол. Взрывом Мирбах был смертельно ранен в голову. Охрана посольства ранила убежавшего Блюмкина в ногу.

Вся эта кровавая суета не остановила большевиков. Мирный договор с немцами подписали. Начавшийся мятеж левых эсеров беспощадно подавили силами

латышских стрелков, арестовавших руководство эсеров. Никто тогда не мог предвидеть, что победа большевиков обернется сталинским террором, уничтожившим сначала эсеров, потом почти всех латышских стрелков и, наконец, самих большевиков, участвовавших в этих событиях.

Потерянный в посольстве мандат террористов немцы предъявили правительству России. Блюмкина судили и приговорили к расстрелу. Его спасло вмешательство Троцкого, который предложил заменить смертную казнь «искуплением в боях по защите революции». Крутой террорист оказался полезен. Блюмкин стал служить в штабе Троцкого и сохранил ему верность, что впоследствии дорого ему обошлось. Затем он вновь перешел в органы ГПУ, уже в Иностранный отдел. В 1925 руководил отделом организации торговли. Затем был главным инструктором Государственной внутренней охраны Монголии. Был резидентом в Грузии, Палестине, Тибете. Здесь, помимо типичных шпионских заданий, Блюмкин, по заданию начальника специального отдела ВЧК Г. Бокия, занялся поиском якобы уцелевшей во всемирном потоке древней цивилизации — загадочной страны Шамбала, «хранившей великие тайны бессмертия, управления временем и пространством». Чекисты планировали допрашивать врагов, проникая мистическим образом в их мысли с помощью древних оккультных методов.

Получив задание ликвидировать сбежавшего секретаря Сталина Бориса Бажанова, Блюмкин не смог с ним справиться, и его вызвали в Москву. Шел 1929 год. Изгнанный из СССР Троцкий лихорадочно искал сторонников. Блюмкин в это время возвращался из Индии в Москву через Константинополь, и не смог отказать бывшему спасителю в небольшой услуге. Они встретились на Принцевых островах, где Троцкий вручил Блюмкину пакет для своего сторонника Карла Радека. Оба они, в заморском далеке, недооценили силу ненависти Сталина к Троцкому и решимость нового диктатора вырвать с корнем имя конкурента по борьбе за власть. Ситуация в кремлевских коридорах изменилась настолько, что Радек передал начальнику НКВД Ягоде пакет Троцкого, даже не распечатав его. «Связника» тут же арестовали и расстреляли в назидание всем, кто посмеет встречаться, переписываться или передавать письма Троцкого.

Радек еще до 1936 года отрекся от троцкизма, талантливо писал хвалебные статьи о Сталине, но в конце концов был арестован, осужден «на 10 лет без права переписки» и убит в ГУЛАГе уголовниками.

А Яков Блюмкин оказался первым из расстрелянных советских разведчиков, работавших за рубежом на советскую власть. Сколько их, талантливых и бесстрашных, уничтожено Сталиным, бежало от предавшего их Сталина, переходило на сторону врагов, образуя зияющие бреши в сетях советского шпионажа.

Эта вещь посильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает КГБ

— Мама! А что такое любовь?

— Любовь? Да это русские придумали, чтобы денег не платить.

Георгий Агабеков, он же Жорж Арутюнофф, он же Нерсес Овсепян, стал чекистом в 1920 году в Екатеринбурге в возрасте 24 лет. Сделав стремительную

карьеру, 29 октября 1929-го он оказался в Стамбуле в должности главы региональной резидентуры ОГПУ в Турции, Сирии, Персии, Палестине и Египте, сменив на этом посту Якова Блюмкина, расстрелянного в подвале Лубянки за связь с Троцким. За плечами Агабекова были уничтожение отряда Энвер-паши в горах и пустынях советской Средней Азии, шпионаж против англичан в Афганистане, возврат на родину 30 000 беженцев из Бухары (впоследствии репрессированных большевиками), попытка организовать восстание белуджских племен в Индии, попытка создания независимой курдской республики, организация тайного вскрытия английской дипломатической почты постоянно проводившегося с 1926 года, охота на сбежавшего секретаря Сталина Бажанова и ряд «мокрых» дел по заданию ОГПУ.

Создав в Стамбуле фирму-прикрытие по продаже велосипедов и пишущих машинок, Овсепян занялся прощупыванием в Дамаске и Каире возможности создания просоветского арабского государства, противостоящего англичанам на Востоке. Деньги для этого щедрым потоком поступали из финансового центра ОГПУ через Берлин. Он посчитал, что для осуществления такой грандиозной задачи знания армянского, русского и турецкого языков ему недостаточно, в связи с чем в стамбульских газетах появилось объявление некоего господина, ищущего преподавателя английского языка.

На объявление откликнулась мисс Изабель Стретер, скромная робкая девушка, 20-летняя младшая дочь английского чиновника, работавшая машинисткой в английском посольстве. Пути любви неисповедимы. Может быть, и в самом деле противоположности притягиваются. Эти двое людей с различными языками, культурой, привычками, политическими взглядами, образом жизни, влюбились друг в друга с такой страстью, что их не смогли растащить ни уважаемая английская семья, ни ОГПУ с его шпионской сетью... Понять ни те, ни другие тоже не смогли. Влюбленные проявили удивительную стойкость, хотя «Джульетта» вскоре узнала, что профессия ее возлюбленного столь же малопривлекательна, как и его внешность. Бажанов («ликвидацию» которого в Афганистане по заданию Сталина возглавлял Агабеков), когда они познакомились в Париже четыре года спустя, характеризовал «Ромео» как «безобразную юркую личность, невзрачную, с физиономией преступника и рыскающими по сторонам глазами».

Когда в Стамбул 15 января 1930-го прибыл советский пароход, на котором Агабеков должен был вернуться в СССР, он открыл Изабель свою истинную — шпионскую — работу и пообещал начать новую жизнь, если она согласится выйти за него замуж. Она согласилась. Он обратился к атташе английского посольства с просьбой предоставить ему политическое убежище в обмен на информацию о прежнем ведомстве.

Однако английский бюрократический аппарат раскручивался медленно и недоверчиво. Возможность истинной любви не предусмотрена инструкциями разведслужбы; никто не мог поверить, что советский шпион такого калибра имеет единственную цель — соединиться с возлюбленной, а не является провокатором или подсадной уткой. Шли месяцы. Лондон молчал. Семья Стретеров начала охранять Изабель, отобрала ее паспорт и, наконец, отправила к старшей сестре Джойс Ли во Францию, надеясь, что роман сам собой угаснет, если связь между влюбленными оборвется. Стретеры, однако, недооценили шпионских навыков

Агабекова. Связь с Изабель он быстро наладил; его первоначальный план скрыться с ней на Востоке лопнул, но в день отъезда Изабель в Восточном экспрессе в Париж, он отплыл пароходом в Марсель, и четырьмя днями позже своей любимой появился в парижской квартире сестры Изабель.

В Париже, уже под именем Жорж Арутюнофф, он рассчитывал опубликовать мемуары о своей бурной жизни. Попытка заинтересовать мужа Джойс Чарльза Ли гонораром за публикацию книги — в 1000 фунтов стерлингов — не удалась. Наоборот, Ли предпринял активные действия по «спасению» золовки. Он вернул Жоржу 150 фунтов, переданных Изабель женихом, вызвал ее мать из Стамбула, нанял адвоката и обратился к британскому консулу с просьбой «положить конец бесцеремонным домогательствам сомнительного иностранца». Агабеков, со своей стороны, попытался наладить контакт с французской и английской разведками, обещая ценные сведения и перевербовку еще трех советских агентов в обмен на воссоединение с Изабель.

Борьба влюбленного шпиона с семейством Стретеров продолжалась несколько месяцев. Его выслали в Бельгию, ее в Стамбул. Квартирную хозяйку с дочерью Сильвией, слегка похожей на Изабель, Агабеков за свой счет командировал в Турцию чтобы тайно подменить девушек, и Изабель могла сбежать. Газеты, консульства, разведки в столицах четырех стран поддерживали напряженную борьбу, которая шла с переменным успехом. Ловушки, психологическое давление, тайные договора. Все это тянулось, пока Изабель не достигла совершеннолетия — 21 года. «Ромео» похудел, осунулся, но в ноябре 1930 года в Брюсселе чета сыграла скромную свадьбу, на которой отсутствовали другие действующие лица этого романа — семья Стретеров и представители разведывательных органов Англии, Франции и Советского Союза.

Молодые поселились в Брюсселе, но история на этом не закончилась. Над ними тяготели два проклятия — семьи Стретеров и ОГПУ СССР. Стретеры просто вычеркнули непутевую дочь из своей жизни. А для ОГПУ измена Агабекова означала подрыв глобальных планов переориентировки арабских стран. Она привела к провалу агентурной сети в Средней Азии, а частично, и в Европе, раскрытию методов ОГПУ, прекращению контроля над дипломатической почтой, выдаче ряда агентов. Что было самым неприятным — создала прецедент: Агабеков стал первым перебежчиком из советской шпионской сети. Охота на предателя по приказу Сталина началась немедленно и предусматривала не просто убийство. Наказание должно было быть поучительным, с похищением беглеца, невзирая на затраты и потери.

Финансы молодой семьи подходили к концу, и Агабеков начал искать возможность заработать. Он поклялся жене бросить «грязные дела», и стал искать чистое дело. Такое дело подобрал ему начальник ОГПУ Ягода. Был разработан план похищения.

Русский эмигрант Нестор Филия, проживавший в Париже, искал пути вызволить из Советского Союза жену Евдокию и дочь Анну, которые застряли в г. Николаеве. Еще до революции Евдокия Филия положила в швейцарский банк 400 миллионов швейцарских франков на свое имя; она могла получить их только лично. За вызволение она обещала огромные комиссионные. Вокруг вклада уже суетилось множество старателей, многие из которых на самом деле были связаны с

ОГПУ. Получив подтверждение, что вклад действительно существует, они аккуратно вышли на Агабекова, предложив ему, как бывшему опытному сотруднику ОГПУ, несомненно, имеющему связи в черноморских пароходствах разных стран, устроить побег двух женщин из СССР. Предложение Агабекову сделал весьма respectable джентльмен — 70-летний англичанин Альберт Стопфорд. Как оказалось впоследствии, седовласый джентльмен был гомосексуалистом, и его бывшие партнеры — агенты ОГПУ — настойчиво попросили его сыграть эту роль. Агабеков сразу заподозрил неладное, поскольку англичанин не смог толково объяснить, откуда он достал его адрес, но включился в игру, соблазнившись гонораром в 10 тысяч франков на расходы по операции плюс две тысячи фунтов по окончании.

Агенты ОГПУ немедленно доставили женщин в Одессу, зафрахтовали пароход, который должен был перевезти их в Варну (Болгария). На этот пароход предполагалось заманить Агабекова, схватить и вывезти в Одессу. Как видим, ОГПУ денег не считало: встречи в дорогих отелях, фрахт парохода, куча агентов, специальные явки в Варне, Одессе, Париже и Брюсселе... Все это немного успокаивало Агабекова, который не мог предположить, что такие расходы предназначены для поимки предателя, которого можно просто пристрелить на улице. Однако от его опытного глаза не ускользнули странные обстоятельства. Например, при его переезде в Варну произошли необъяснимые задержки на всех границах — австрийской, румынской и болгарской, — где его, очевидно, поджидали. Странно выглядели и деловые письма Стопфорда, а также то обстоятельство, что письма г-жи Филии из Одессы, наверняка написанные под контролем ОГПУ, также приходили через Стопфорда. Наконец, болгарская полиция «в его же интересах» рекомендовала ему покинуть страну, ни в коем случае не заезжая в Варну. В связи с этим вся операция была передислоцирована в румынский порт Констанцу.

Зафрахтованное на целых шесть месяцев (с целью усыпить подозрения капитана) судно «Елена Филомена» уже шло в Констанцу, когда Агабекова познакомили с новым «помощником» — болгаринцем Цончевым. Профессиональное чутье бывшего шпиона после недолгого разговора подсказало, что это не только агент ОГПУ, но и, по-видимому, исполнитель приговора. Агабеков, однако, не знал, что вокруг него крутится целая свора агентов, в том числе специально обученный использованию хлороформа (а в случае неудачи готовый на убийство) некий Гриша, которому Цончев показал Агабекова. Несколько попыток спойти Агабекова и подсыпать снотворное окончились неудачей. Наконец, румынская полиция схватила убийцу, целившегося в Агабекова из-за окна ресторана. Им оказался Гриша. Был арестован также Цончев, как выяснилось, новый руководитель резидентуры ОГПУ в Турции; польстившийся на выгодный фрахт капитан «Филомены» и несколько парижских агентов. Судно конфисковала румынская полиция. Гриша и некоторые другие участники интернациональной банды агентов ОГПУ раскололись на следствии и заложили почти всю резидентуру в Турции и Румынии. Скандал продолжался с 1932 по 1934 год и дорого обошелся Советскому Союзу, как в материальном, так и в моральном отношениях.

Агабеков также имел неприятности: бельгийская полиция предъявила ему обвинение в попытке похитить двух гражданок и выдворила из страны. Он перебрался в Берлин, где должны были издать его мемуары, но средств к существованию не находил; ему пришлось в конце концов стать сотрудником британской секретной службы, которая выплачивала небольшие деньги — ему в Берлине и его жене в Брюсселе. В 1936 году Изабель развелась с Агабековым, уехала в Англию, вернула девичью фамилию, поступила на службу секретаршей и начала новую жизнь. Ей было 27 лет.

В 1937 году охота на Агабекова возобновилась. Он согласился за солидную плату принять участие в транспортировке награбленных в Испании во время войны антикварных ценностей. Он был убит советскими агентами где-то в Пиренеях, на границе Франции и Испании, тело его достоверно опознать не удалось, поскольку документы при нем оказались фальшивыми. Изабель дожила до 1971 года, аккуратно работая в различных международных организациях, вела себя скромно, незаметно. Глядя на нее, никто не подозревал в ней героиню бурного романа с экзотическим сюжетом.

Кровавая месть

Ну и что, что отрезали голову?

В Вишневский, «Однотишья»

Вражда началась в далеком 1912 году, когда Ленин кооптировал Сталина в ЦК партии, несмотря на то, что Троцкий и другие российские марксисты недооценивали туповатого исполнителя. Троцкий считал, что Сталин не личность, а просто «элемент аппарата, пропагандист местного масштаба». Заносчивый трибун революции опомнился только после смерти Ленина.

Мы уже говорили о том, что в первые годы своей власти Сталин был очень осторожен. Членов партии за политические ошибки и провинности не расстреливали и даже не сажали в тюрьмы. Главный враг Сталина Троцкий был всего-навсего выслан из страны в 1929 году, после двухлетнего домашнего ареста в Алма-Ате. Но Сталин помнил не только всех, кто поддерживал Троцкого, но и тех, кто хотя бы передавал его письма. Укрепившись у власти, завершив репрессии 30-х годов, Сталин решил, что настала пора расправиться со злейшим врагом и бывшим конкурентом. В сентябре 1938 года Берия привез к Сталину Павла Судоплатова, который был назначен заместителем начальника Иностранного отдела НКВД с задачей организовать группу боевиков и ликвидировать в течение года Троцкого. Судоплатов перед этим напряженно ожидал ареста за то, что он работал под началом ныне арестованных «врагов народа» Пассова и Шпигельгласса, которые не только не справились с этим заданием, но и допустили сокрушительный провал агентуры, направленной на ликвидацию Троцкого.

Для убийства Троцкого Судоплатов организовал и послал за рубеж группу под руководством только что вернувшегося из Испании заместителя главного резидента Александра Орлова — Наума Исааковича (Леонида Александровича) Эйтингона (в Испании Л. Котов). Это был профессиональный диверсант-убийца ОГПУ, бывший — до 1917 года — левый эсер, участник убийства диктатора Маньчжурии генерала Чжан Цзолия (1928), похищения русского генерала

Кутепова в Париже (1930), убийства внука Троцкого и др. Эйтингон говорил по-испански, имел связи в Испании и в Мексике, среди эмигрировавших из Испании после поражения республики коммунистов. На операцию «Утка» выделили на первое время «скромный» бюджет \$300 000.

Группа боевиков по главе с мексиканским коммунистом художником Давидом Сикейросом при участии сотрудника ОГПУ И. Р. Григулевича (будущего члена-корреспондента Академии наук СССР, ученого-историка) 20 мая 1940 г. устроила налет на резиденцию Троцкого в пригороде Мехико Койоакане. Григулевич создал еще одну нелегальную, резервную, сеть, подружился с одним из телохранителей Троцкого — Шелдоном Хартом, который отозвался на голос Григулевича и приоткрыл ворота в предрассветный час. Банда Сикейроса ворвалась на виллу, имея точный план расположения комнат, и изрешетила пулями запертую дверь спальни Троцкого. Однако опытный революционер успел спрятаться под кровать вместе с женой и остался невредим. Ликвидировали только Харта — из опасения, что он может выдать Григулевича.

Операция Сикейроса под кодовым названием «Конь» провалилась, что сильно расстроило Сталина и Берия. Теперь они были готовы пожертвовать всей шпионской сетью Северной Америки для убийства Троцкого. К счастью, Эйтингон, опасаясь широкого провала, предложил альтернативный вариант «Мать». Имя операции дала испанская коммунистка, ярая сталинистка Каридат Меркадер, которая после развода с мужем в 1925 году, жила в Париже с четырьмя детьми, а с началом республиканской войны в Испании воевала там и «лично участвовала в расправе над двадцатью троцкистами и другими контрреволюционными элементами». В феврале 1937-го ее завербовал в Испании Эйтингон. По некоторым сведениям, она была его любовницей. Ее сын Рамон, член компартии, комиссар на Арагонском фронте, в совершенстве владел испанским, французским, а позднее и русским языками, красавец, похожий на Алена Делона (Ален Делон впоследствии и сыграл роль Рамона Меркадера в фильме Р. Бартона «Убийство Троцкого», 1972).

Рамон Меркадер постепенно проник к Троцкому, в его мексиканскую резиденцию. Через знакомых во Франции он познакомился с секретаршей Троцкого Сильвией Эджелоф, соблазнил ее и объявил своей невестой. Во время их совместной поездки в Нью-Йорк Рамон находился под наблюдением Эйтингона, но не общался с ним и не познакомил его со своей невестой. Он отрекомендовал себя последователем и поклонником Троцкого. В роковой день убийства он пришел к Троцкому со статьей и, в то время как Троцкий склонился над рукописью, нанес ему удар по голове ледорубом, который спрятал под плащом. Несмотря на то, что опыт убийства у Рамона был — он заколол часового на посту во время гражданской войны в Испании, с Троцким вышел небольшим просчет. Он внезапно слегка повернул голову, вероятно, собираясь сделать замечание по статье, и удар оказался не смертельным. Страшный крик Троцкого неожиданно парализовал убийцу, рассчитывавшего на бесшумное завершение дела и бегство. Вбежали жена Троцкого и охранники. Охранники сбили Рамона с ног и арестовали. Троцкий умер на следующий день в больнице.

Тело Троцкого выставили для прощания в Мехико; в течение пяти дней мимо гроба выдающегося теоретика марксизма прошли 300 000 человек. На улицах звучала песня «Большая коррида Льва Троцкого». Пресса всего мира выразила

соболезнования. «Правда» отозвалась скупой заметкой, сообщив, что Троцкий убит «разочаровавшимся последователем».

Рамон Меркадер не признался в том, что убийство было заказным, утверждая, что Троцкий противился его браку с Сильвией. Он выступал под вымышленным именем Фрэнка Джексона, несколько лет скрывая имя и связь с КГБ. Наняли адвокатов, пытавшихся доказать, что убийство совершено на почве склок в троцкистском движении. Меркадера приговорили к 20 годам тюрьмы, которые он отсидел «от звонка до звонка». Первая жена (или невеста) Рамона — Елена Имберт — с 1939 года жила в СССР с его матерью Каридат и умерла от туберкулеза в 1942-м. В тюрьме за ним присматривала Р. Мендоса, с которой ему разрешалось даже выезжать в город и обедать в ресторане. Она влюбилась в него; они поженились после освобождения Меркадера в 1960-м, сначала жили в Чехословакии, а в 1964 году приехали в Москву.

«Сов. Секретно. 6 июня 1941 г. №1894/б.

ЦК ВКП(б). СНК СССР. Товарищу Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания. Прошу Вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел Л. Берия»

Резолюция Сталина: «За (без публикации)».

Р. Меркадер удостоен звания «Герой Советского Союза». Председатель КГБ Шелепин принял его, вручил звезду Героя. Ему предоставили четырехкомнатную квартиру и дачу. По ходатайству Долорес Ибаррури его приняли на работу в Институт марксизма-ленинизма. В 70-х он уехал жить на Кубу, где стал советником Кастро. В 1978-м Рамон скончался, его прах привезли в Москву и похоронили на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза. В последний путь его проводили только вдова и Эйтингон.

Мать Рамона Каридат Меркадер, ожидавшая его в день убийства Троцкого вместе с Эйтингоном в машине неподалеку от виллы Троцкого, награждена орденом Ленина. После покушения они скрылись, полгода провели на Кубе, затем из Нью-Йорка, где Эйтингон через своих друзей добыл паспорта, уплыли на пароходе в Китай, и в мае 1941-го возвратились в Москву.

Эйтингон оказался одним из немногих евреев-чекистов, обласканных, а не ликвидированных Сталиным. Прямо с вокзала его доставили в Кремль на аудиенцию со Сталиным и Берия, наградили орденом Ленина. Рассказывают, что Сталин даже сердечно обнял Эйтингона и заверил, что пока он, Сталин, жив, ни один волос с головы Эйтингона не упадет. Он проработал в КГБ до 1951 года, в 1945 получил звание генерал-майора, но в 1951-м, когда всех евреев КГБ арестовали, его также обвинили в сионистском заговоре. Сталин приказал его от работы отстранить, но странный арест Эйтингона состоял в заключении на подмосковной даче, где он жил в изоляции, но в довольстве. С мая 1953-го его вернули на работу в МВД, но в 1957-м, после падения Берия, вновь арестовали. Семь лет он просидел в тюрьме, в 1964-м бывшие друзья и сотрудники встретили его на вокзале с цветами и шампанским. Владея свободно шестью языками, он стал работать в издательстве «Международная книга». Умер в 1981 году.

Остальные организаторы убийства: Павел Судоплатов, И. Р. Григулевич, резидент в Париже Л. П. Василевский и разведчик П. П. Постельняк были награждены орденами Ленина и получили повышения по службе. На эту операцию были брошены три группы агентов НКВД, задействованы резидентуры НКВД во Франции, Испании, США и Мексики, затрачены огромные средства. Шел 1940 год; страна и ее разведывательные органы готовились к войне, но Сталин не поспешил на организацию «спецзадания»; у него были свои приоритеты.

Экспроприация золотого запаса Испании

Золото инков и ацтеков, отнятое конкистадорами у аборигенов Америки во имя короля в XV—XVI веках, было переправлено в Испанию и составило ее золотой запас - четвертый в мире по величине, хотя сама Испания давно утратила величие, когда ее заморские территории в обеих Америках обрели независимость. В 30-х годах XX века испанские золотые слитки и серебряные монеты оценивались в 788 млн. долларов — около 40 млрд. по курсу начала XXI века. В 1936 году гражданская война в Испании, поддерживаемая со стороны республиканцев Советским Союзом (негласно) и коммунистами всех стран, а со стороны генерала Франко — фашистскими Германией и Италией, докатилась до Мадрида. Республиканское правительство, несмотря на поддержку Интернациональной бригады коммунистов и многочисленной ратью советских военных и разведчиков, вот-вот должно было пасть. И тогда старый опытный экспроприатор И. Сталин решился на новый грабеж, масштабы которого соответствовали его выросшему могуществу.

Приказ за подписью Сталина (с кодовым обозначением «Иван Васильевич») — о захвате испанского золота и вывозе его «на временное хранение» в СССР Н. Ежов отправил главному резиденту советской разведки в Испании Александру Орлову. К этому времени золотой запас вывезли из Мадрида по распоряжению премьер-министра Республиканского Правительства Л. Кабальеро и министра финансов Негрина, и спрятали в пещере, вырубленной в скале над портом Картахена. Секретные переговоры Орлова (под видом «представителя солидного лондонского банка мистера Блэкстоуна») и посла СССР Розенберга с Кабальеро и Негрином завершились подписанием соглашения. Всю операцию по погрузке на корабли и отправке золотого запаса взял на себя Орлов, используя советскую резидентуру в Испании и отвергнув помощь республиканских войск.

Александр Орлов (Фельбинг Лейба Лазаревич, он же в кадрах НКВД Никольский Лев Лазаревич — Николаевич) член партии с 1917 года, попал в разведывательные органы ОГПУ после службы в контрразведке в годы гражданской войны. Генерал КГБ. В 1933—1937 годы был резидентом советской разведки во Франции, Австрии, Италии и Англии. В июле 1936-го Политбюро ЦК ВКП(б) направило Орлова в Испанию советником при республиканском правительстве по контрразведке и организации партизанской войны за линией фронта.

Самолет, на котором Орлов вылетел в Картахену, был атакован немецким истребителем и совершил вынужденную посадку. Чудом избежав гибели, Орлов добрался до Картахены на машине. Даже военно-морскому атташе Кузнецову он

сказал, что на советские пароходы, трюмы которых освободились после выгрузки вооружения для республиканской армии, будут погружены ящики с «никелевой рудой, необходимой для изготовления оружейной стали». Пока шла выгрузка пароходов, порт бомбили немецкие самолеты, но пещера уцелела, хотя в соседних складах хранился динамит. Через несколько суток моряки погрузили 7900 ящиков, а также мешки на грузовики, которые по горным дорогам ночью с выключенными фарами провели советские танкисты. Зная, что кораблям угрожают немецкие подводные лодки и сторожевые суда, груз распределили на несколько кораблей. Весь он через семь дней при полном радиомолчании кораблей 7 ноября 1936 года благополучно прибыл в Одессу. Специальный бронепоезд доставил его в Москву; золотой запас Испании навсегда осел в подвалах советского банка.

Испанское правительство уже после II Мировой войны неоднократно требовало, в соответствии с международными правовыми нормами, возврата своего экспроприированного золотого запаса. Советское правительство утверждало, что золото пошло в уплату за «бескорыстную братскую помощь Испанской Республике». В 1960 г. «принято решение компенсировать Испании утраченный золотой запас поставками нефти по клиринговым ценам».

Сталин поздравил наркома Ежова с благополучно проведенной «золотой операцией». Орлова представили к ордену Ленина. Однако впоследствии почти всех героев этой эпопеи расстреляли в подвалах Лубянки. Сам Орлов чудом спасся, бежав в США. Но это уже другая история.

Пошел еврей в разведку

*Во всех углах и метрополиях
затворник судеб мировых,
еврей, живя в чужих историях,
невольню вляпывался в них.*

Игорь Губерман

Леопольд Треппер (он же Домб, Адам Миклер, Отто, Жан Жильбер) родился 23 февраля 1904 года (впоследствии день его рождения совпал с официальным днем рождения Красной Армии) в польском поселке Новы-Тарг в семье мелкого еврейского лавочника. Превратности Первой мировой войны протащили его по разным городам Польши и Австрии. В 20 лет он оказался в Палестине, сменив веру в Бога на коммунистические идеалы, причудливо переплетенные с сионизмом. В 1925 году, вступив в коммунистическую партию Палестины, Треппер стал одним из создателей еврейско-арабского движения «Ишуд» (Единство). Отсидев в тюрьме несколько месяцев и получив первые навыки подпольной работы, он приобрел немало единомышленников среди членов Коминтерна, которые стали основными его сотрудниками в период создания шпионской сети в Европе.

В 1929-м англичане депортировали его из Палестины во Францию. Здесь он стал активистом компартии, работая среди евреев-эмигрантов, женился, а в 1932 его направили на учебу в Москву, в Коммунистический университет имени Мархлевского. Несмотря на уроки действительности Советского Союза 30-х годов Треппер сохранил коммунистические идеалы, отнеся все ошибки к трудностям первой страны победившего социализма. Это далось ему нелегко, особенно когда

он видел ночные аресты товарищей, прекрасно понимая опасность и для себя лично. Но случай уберег его и от ГУЛАГа, и от полного крушения коммунистических идеалов.

После провала советской агентурной сети во Франции и поражения республиканской революции в Испании, а также после ликвидации наиболее опытных и надежных агентов на Лубянке пока еще не арестованный Сталиным руководитель внешней разведки Красной Армии Ян Берзин лихорадочно искал новых сотрудников для работы за рубежом. Для начала в конце 1936 года, а затем весной 1937-го, Треппера командировали во Францию для анализа причин провала сети «Фантомас». Он был обескуражен низкой шпионской квалификацией советских агентов. Но больше всего его потряс инструктаж Берзина:

— *Знаете ли Вы, как действуют наши агенты? Сначала они читают «Правду», а затем составляют свои телеграммы, не включая в них ничего, что могло бы не понравиться руководству партии.*

Порочная практика советских шпионов, возвращенная их отзывами в НКВД и арестами, решение Политбюро, запрещающее засылать агентов в Германию из опасения подорвать назревающий пакт с Гитлером, провалы резидентов из-за капризных поручений Сталина (например, убийство Троцкого), сводили эффективность советской разведки к нулю. Вместе с тем Треппер сознавал, что должен встать на борьбу с двумя основными целями Гитлера — уничтожением евреев и войной с СССР. Он согласился организовать агентурную сеть во Франции. Несмотря на арест Берзина и соответствующую перетряску управления внешней разведки СССР, новое начальство, как он сумел убедиться, обладает весьма низкой квалификацией не только в разведке, но даже в географии. Но новое руководство не могло найти более подходящей кандидатуры на эту роль: человек, проживший во Франции много лет, знающий язык, убежденный коммунист, к тому же еврей, что служило дополнительной гарантией невозможности предательства и сотрудничества с нацистами. Весной 1937-го Треппер простился с женой и детьми и с паспортом на имя канадца из Квебека Адама Миклера, выехал через Стокгольм в Антверпен.

Прежде всего завербовав старого палестинского друга Лео Гроссфогеля, он организовал закупку фальшивых паспортов и других документов через его фирму «Руа де Каучук». Была создана фирма по закупке отходов с сетью филиалов в скандинавских странах, которая служила прикрытием и пунктами связи для разведчиков, занимавшихся сбором информации. Затем создали экспортную фирму «ЭКС» под руководством коммуниста Жюля Жаспара, брат которого был премьер-министром Бельгии. Руководителями отделений ЭКСа стали засланные из Москвы разведчики — Гуревич (Сукулов, Кент) и Макаров (Аламо, Хемниц). Вложив всего \$10 000 в организацию фирм, резидентура получила постоянное финансовое обеспечение разведывательной деятельности. В результате вербовки коммунистов, особенно из числа евреев (Малек, Райхман) и коммунистов — старых знакомых Треппера, к 1940-му была создана резидентура «Красная капелла». Ее составляли различные, не связанные между собой отделения, насчитывающие в общей сложности до 150 человек.

Наряду с Рихардом Зорге в Японии и другими источниками, «Красная капелла» еще 20 марта информировала Центр о готовящейся агрессии Гитлера против

СССР — сначала 15, а затем 22 июня 1941 года. Сообщались данные о перемещении дивизий, техники, вспомогательных служб немецкой армии, основные черты «плана Барбаросса». Информация шла через советского военного атташе в Виши генерала Суслопарова. Начальник разведки генерал Голиков даже боялся докладывать Сталину эти данные, так как тот сразу зачислял информаторов в провокаторы и предатели. В шпионском деле более чем в любом другом один находящийся у власти идиот нивелирует усилия сотен умных и смелых разведчиков. В процессе работы «Красная капелла» получила ряд некомпетентных приказов, как, например, приказ сообщить уже проваленному агенту данные на осведомителей. В ответ на донесения об аресте агентов в 1942-м и раскрытии шифра Центр отвечал: «...Вы ошибаетесь, передачи продолжаются, мы получаем замечательный материал...»

Весной 1940-го немцы начали оккупацию европейских стран: Дания, Норвегия, Бельгия, и наконец, Франция перестали быть безопасным полем шпионской работы еврейского «оркестра». Треппер организовал новую фирму «Симеско», сотрудничавшую с немецкой строительной организацией «ТОДТ», сменил паспорта; появились новые сотрудники: польский еврей Гилель Кац, ставший Андре Дюбуа или Рене, Дженни Лерой, профессор Жорж Стофель, Люсьен Рапшель и другие, имевшие связи в различных нацистских организациях. Сотрудники получили «аусвайсы», то есть возможность свободно передвигаться по стране. С трудом налаживали радиосвязь, к сожалению, при минимальной и не всегда квалифицированной помощи Центра. После начала войны с СССР «Красная капелла» приобрела новых ценных информаторов — русский эмигрант Василий Максимович, Кете Фелькнер, Робинсон и др. За первые три месяца с начала войны немцы перехватили около 250 радиোগрамм непонятного содержания и начали охоту за передатчиками.

Первый провал, ставший началом конца «Красной капеллы» произошел 13 декабря 1941 года — то ли из-за доноса, то ли передвижная радиопеленгаторная станция засекла передатчик Макарова в Брюсселе. Квартал был окружен, радист, шифровальщица и их помощники арестованы. В июле 1942-го одна за другой были разгромлены остальные: радиоквартиры супругов Сокол в Париже и Венцеля в Брюсселе, в августе арестован Ефремов, наконец, в ноябре схвачен сам «Большой шеф» — Треппер, а с ним и Гроссфогель, в декабре Кац, Василий и Анна Максимовичи, Робинсон. Всего было арестовано около 100 человек, из них 70 принадлежало к членам «капеллы». Большинство арестованных агентов были подвергнуты жестоким пыткам. Некоторые, как, например Робинсон и супруги Сокол, выдержали все, другие — нет. В результате немцы получили доступ к шести из восьми радиостанций и могли начать радиоигру с советской разведкой.

У советского Центра была возможность изменить ситуацию благодаря вовремя поступившему туда сообщению. Но то ли по некомпетентности сотрудников, то ли по внутренним причинам (поскольку разрыв связи означал провал работы Иностранного отдела НКВД) немцы еще около семи месяцев передавали дезинформацию. Однако был уже конец 1942-го, «блицкриг» очевидно провалился, в верхнем эшелоне власти Германии появились силы, ищущие возможность вбить клин между союзниками антигитлеровской коалиции и заключить сепаратное мирное соглашение. Треппер разыграл в гестапо эту карту, согласившись якобы

хранить в тайне свой арест, и начал вести двойную игру. Он исхитрился написать и передать через французскую патриотку Жюльетту Мусье подробный доклад в Центр. Получив по контролируемой немцами линии 23 февраля 1943-го поздравление из Центра с днем рождения и представлением к награде, Треппер понял, что доклад дошел и можно начинать «Большую игру»; немцы также получили уверенность в успехе провокации. Летом 1943-го осведомленный советский Центр включается в радиоигру, но уже управляет ситуацией со своей стороны. Завоевав доверие охранника, 13 сентября 1943 года Треппер сбежал.

Дуэль с гестапо Треппер выиграл. Шеф зондеркоманды Паннвиц, занимавшийся делом «Красной капеллы», так и не сумел его поймать после побега, но попытался дискредитировать в глазах Центра. Он не знал, что доверие Центра к «Красной капелле» подорвано еще задолго до ареста ее «Большого шефа». Когда оба они — Паннвиц и Треппер — после войны попали в тюрьму в Советском Союзе, Паннвиц, виновный в пытках и казнях разведчиков «Красной капеллы», оказался на свободе раньше Треппера.

После освобождения Франции от гитлеровской оккупации 5 января 1945 года на первом самолете, вылетевшем из Парижа в Москву, 12 советских подданных отправились на родину. Еще шла война, и полет проходил по кружному маршруту через Марсель — Италию — Каир — Тегеран. Кроме Треппера, с ними летел еще один участник «Красной капеллы» Радо, но в Каире он благополучно сбежал, предвидя последствия встречи с НКВД. В Москве «Большого шефа» учтиво встретили роскошным обедом и, не дав встретиться с женой и сыновьями, отправили на Лубянку. Он прошел все унижения, допросы и ломку, причитающиеся «врагу народа». Как оказалась, ему инкриминировали вовсе не провал «Красной капеллы», а то, что его рекрутировал в разведку бывший «враг народа», по совместительству руководитель разведслужбы Красной Армии Берзин, также впоследствии реабилитированный.

Сидя в тюрьме, Треппер еще пытался как-то помочь коллегам из «Красной капеллы», находящимся в застенках гестапо. Он поучаствовал в заманивании Паннвица в Москву. 19 июня 1947-го «тройка» приговорила «Большого шефа» к 15-летнему заключению, и он канул в недра ГУЛАГа, отсидев по разным тюрьмам долгие десять лет. Там он пережил волну государственного антисемитизма, встретился в камерах тюрем с разведчиками и коммунистами. 23 февраля 1954-го его поздравили с 50-летием, днем рождения Красной Армии и реабилитацией.

Сыновья не узнали его, когда он вернулся домой. Он получил солидную пенсию, поскольку годы, проведенные в тюрьме, засчитали как стаж разведчика. Он продолжал бороться — писал письма Хрущеву, выступая против антисемитизма в стране. В апреле 1957 года он получил разрешение вернуться на родину — в Польшу.

В своем родном Новы-Тарге он нашел не искорененный со времен фашизма антисемитизм. Здесь он снова вступил в борьбу — организовал еврейское издательство «Идиш бух», стал председателем еврейского социально-культурного союза. В 1968-м большую часть оставшихся в Польше после гитлеровской оккупации евреев Гомулка выслал в Израиль, поддержав лозунг: «Отправьте этих свиней к Даяну» (герою шестидневной войны). Уехала и семья Треппера, но его не выпускали. Во Франции вышла книга Жиля Перро о «Красной капелле», начались

съемки бельгийского фильма, которые были сорваны польскими полицейскими. Сам он оказался под надзором полиции. Только через три года, после протестов мировой общественности и голодовки Треппера, польское правительство разрешило ему выехать в Лондон.

Его подробные письма на имя генерального прокурора с описанием деятельности «Красной капеллы» сохранились в архиве КГБ, он смог их получить в 1965-м. На Западе вышло много публикаций о Треппере, который признан «агентом международного класса». Наконец, он сам написал свою книгу «Большая игра», вышедшую в свет на русском языке только в 1990 году.

В книге тогдашнего руководителя советской зарубежной разведки генерала Павла Судоплатова «Спецоперации» «Красной капелле» посвящено лишь несколько страниц. Ее эффективность оценивается весьма скромно.

Варшавская мелодия лично для Сталина

Эта история — еще одно свидетельство стоимости капризов гениального вождя для разведывательных органов, у которых и так хватало забот в разгар Великой Отечественной войны. Гитлер тоже объявлял личными врагами в России особенно досаждавших ему евреев: диктора Юрия Левитана, писателя Илью Эренбурга, карикатуриста Бориса Ефимова и других, но ему и в голову не приходило готовить специальные операции для устранения этих личных врагов. Сталин оказался более обидчивым.

В ноябре 1941 года, когда немцы стояли на подступах к Москве, а в городе началась паника и, как водится, появились бандиты и мародеры, еще одна кошмарная неприятность расстроила вождя. Служба радиоперехвата донесла до него сообщение о факте передачи и самый текст передачи вещавшего на русском языке пропагандистского центра из Варшавы. Передачи готовил и проводил бывший актер харьковского драмтеатра Блюменталь-Тамарин, пародируя голоса Сталина и членов Политбюро, изображая задушевные беседы и диалоги вождя с рабочими, крестьянами, интеллигенцией, маршалами, генералами, НКВД и даже бывшими товарищами из троцкистско-зиновьевского блока. Получив очередной радиоперехват, самостоятельно настраиваясь на волну варшавского радио, Сталин в бешенстве ломал папиросы, откладывал заседания с генералами и наркомками, красным карандашом (в знак особой важности) написал: «Тов. Берия Л. П. — Принять меры к глушению этой пакости, изучить возможность ликвидации радиоцентра».

И работа закипела. Операцию возглавил лично глава Главного Разведывательного управления (ГРУ) Генштаба генерал НКВД Павел Судоплатов. Параллельно был усилен контроль за радиосредствами в армии (гражданские радиоприемники в начале войны реквизировали), чтобы издевательства гнусного пародиста не коснулись уха советских людей. НКВД — серьезная организация; в неразберихе военных поражений нашли переехавшего из Харькова в Москву, а затем в Алма-Ату племянника варшавского обидчика — по застрывшему на почте денежному переводу его квартирной хозяйке. Немедленно в Алма-Ату вылетел специальный самолет с группой КГБ, которой удалось уговорить, подготовить, переместить в специальный блиндаж на Западном фронте и, наконец, переправить

через линию фронта якобы сдавшегося в плен племянника. Поначалу юный артист проявил недюжинные шпионские способности. Из лагеря для военнопленных за золотое колечко он отправил письмо в Берлин кинозвезде Ольге Чеховой, находящейся вне подозрений у гестапо, но сочувствующей своей родине. Артистка прикатила в лагерь, вызволила «военнопленного», отправила его в Варшаву, где дядя тепло принял племянника и устроил работать в радиоцентре. Через польское подполье на Лубянку пришли донесения об успешном «внедрении объекта». Связник из Москвы дважды «выходил на объект», но теракт откладывался, то ли по внезапно вспыхнувшим родственным чувствам племянника к дяде, то ли по неподготовленности объекта. В конце концов, племянник, перенапрягший нервы, попал в госпиталь с нервным расстройством. Блюменталь-Тамарина ликвидировали польские подпольщики уже в конце войны по дороге в Германию. «Объект» затерялся в послевоенной Европе, и намеченная Лубянкой ликвидация его, как проявившего неблагонадежность, не состоялась.

Как же могла эффективно работать система, в которой не только вся экономика огромной страны, но и армия, разведка, информационные службы, валютные запасы — все поставлено на службу одному капризному, амбициозному, не слишком образованному вождю?